Аввакума о своей жизни и тем естественным условием, которое позволяло автору вести повествование в форме излюбленной им «беседы» с читателем. В данном случае «беседа» с Епифанием была для Аввакума как бы посредствующей ступенью между устным рассказом и литературным творчеством. Реальность «беседы» засвидетельствована автографами обоих писателей.

Аввакум рассказывает Епифанию, как он, его жена и дочь, возвращаясь из Сибири, спрятали и спасли некого «замотая», обманув преследовавших его казаков. Аввакум просит старца и их общего адресата, некоего «раба Христова», рассудить, велико ли его согрешение. Он специально оставляет место и говорит: «Припиши же что-нибудь, старец». Затем следует известная вставка рукой Епифания: «Бог да простит тя... Добро сотворили есте и праведно. Аминь» (40). Аввакум благодарит друга и продолжает свой рассказ. Как возникла эта письменная «беседа» в тексте «Жития»? Нам представляется, что непосредственная искренность автобиографа столкнулась в этом эпизоде с тем общим заданием его труда, которое должно было представить читателям его автора в ореоле пророка, почти святого. Возникший моральный конфликт и должен был быть решен судом духовного отца прежде, чем он поступит на суд читателей, истово веривших своему учителю-автору. Оставив место для фиксации решения Епифания и заранее согласившись с любым его заключением, Аввакум тут же продолжал писать дальше. Он закончил тетрадь и передал ее в темницу Епифанию, который и вернул ее со своей вставкой. В том, что приписка старца была именно вставкой в готовый текст Аввакума, убеждает следующее: Аввакум сам говорит, что он «и место оставил», т. е. сделал пропуск, а не просто отложил свое дальнейшее изложение до получения ответа старца. Епифанию же не хватило этого места для приписки, и последние две строки ему пришлось написать мельче и втиснуть их между своим предшествующим текстом и уже написанным далее текстом Аввакума.[44]

При переработках «Жития» Аввакум не только сохраняет свои постоянные обращения к Епифанию на прежних местах, но вновь и вновь обращается к нему, вводя в свою биографию новые повести. Так, создавая для второй редакции «Жития» повесть об Евдокии Цехановицкой, Аввакум начинает ее с обращения к другу («А как я был на Мезени, отче Епифаний...» — 144—145), которое повторяется в изложении повести и далее («Да и много, старец, она говорила...», «Я, старец, посмотрю...», «Видишь ли, как оне...» — 146—147). Таким же обращением снабжаются новые повести о ловле рыбы и о чудесном излечении Аввакума, введенные им только в третью редакцию «Жития»: «Еще тебе скажу, старец, повесть» (230), «Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу озеро...» (232), «Чюдно гораздо сие, старец!» (234). Добавляя к третьей редакции «Жития» новое введение, Аввакум снова подчеркивает роль Епифания: «По благословению отца моего, старца Епифания, писано моею рукою грешного протопопа Аввакума» (151). И далее, адресуясь к некоему своему «чаду возлюбленному», он сообщает новую деталь: «поминай мя в молитвах своих и старца на забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал» (154). Из этого видно, что творческое общение Аввакума с Епифанием продолжалось на протяжении всей его автобиографической работы. Сам Аввакум в образной форме отразил свою близость к Епифанию, развивая в третьей редакции «Жития» излюбленную им тему «плавания» на корабле по житейскому морю. Теперь он «плывет» не один, а вместе со

[44] См. фотоснимок вставки Епифания: РИБ, т. 39, табл. II.